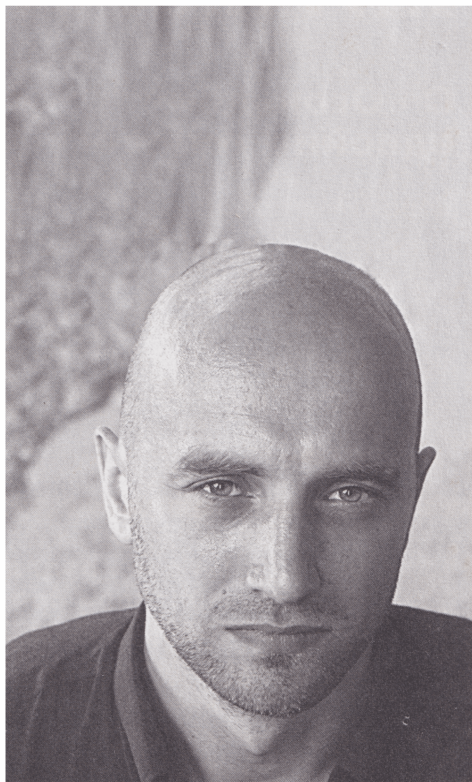

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Захар Прилепин

**Печальный
ПЛОТНИК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПЛОТНИК

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Писатель Захар Прилепин (р. в 1975 году) — удивительно цельно, качественно состоявшийся в русской литературе. Публицист Прилепин — в отличие от писателя — словно бы до сих пор сомневается, стоило ли писать: пишет редко, словно сквозь зубы. Цедит. Презрительно усмехается. Горько шутит. В Прилепине-публицисте счастливо соединилось хорошее советское (патетика, патриотизм, характер) и хорошее европейское (нарушение сложившихся стереотипов — например, нежелание жить в долг). Редко кому удается жить двойной жизнью, а у Прилепина получилось: его писательство и публицистика существуют по отдельности, на разных жилплощадях, и встречаются только изредка, когда выходят покурить на лестницу. Поговорят — и назад: каждый за свое.

Об эссеистике скажем коротко: лучше Прилепина о народной жизни в незначительных российских городах сегодня не пишет никто.

Особняком стоит очерк: здесь Прилепин теплеет, тает; берет жизнь героя широко, по-писательски загребает все, вместе с песком и ракушками. Журналист так не напишет: смелости нет и дыхание сбивается.

Публицист Прилепин в «Огоньке» — особенный. Ни левый, ни правый — общий. Отдаем его вам.

В этой книжке собраны работы Захара Прилепина, публиковавшиеся в 2007—2008 годах в нашем журнале.

Андрей Архангельский

Уважаемые читатели!

Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

© Издательский дом «Огонек», 2008

КАМУФЛИРОВАННЫЕ БЛУДНИ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Занятная примета времени: многие представители нового поколения российских писателей начинали свой творческий путь именно в охранном бизнесе. Воспоминания о нем будут жить вечно, заверил «Огонек» лауреат Букеровской премии Захар Прилепин.

Еще в бытность работы в ОМОНе мне и моим однополчанам приходилось подрабатывать охранниками. Трудились мы вполне легально: подработку организовал командир отряда. Половина заработанных сумм шла в фонд отряда (так нам, по крайней мере, говорило руководство), половину пацаны забирали себе.

Наш командир, отличный, кстати, мужик, афганец, весь в орденах и медалях, но не без криминальных наклонностей, как, впрочем, и многие афганцы вообще, — так вот, командир наш ходил в малиновом пиджаке, разговаривал по мобильному (мобилы тогда были большой редкостью) с замом, находясь в разных концах прямого коридора, потом купил себе джип и слушал в нем шансон. Российские правоохранители, как давно замечено, очень хотят походить на уголовников; нет бы наоборот.

Мы охраняли — назовем вещи своими именами — воров из числа новых знакомых нашего командира, тоже начавшего осваивать великий и ничтожный русский бизнес.

Помню маленького, наголо бритого, быстрого и суетливого типа в кожаном плаще на черной длинной машине. Он сидел на заднем сиденье рядом с омовцем, неустанно говоря по телефону. Второй омовец сидел впереди, восхищенно рассматривая всевозможные приборы на панели авто.

Мы следовали за маленьким и бритым типом в его офис, где каждая деталь, включая секретаршу, говорила о случайности, порочности и недолговечности достатка хозяина офиса.

Он прикрывал дверь в свой кабинет, тем временем мы разглядывали недовольную секретаршу; ни кофе, ни чая нам не предлагали. Из кабинета доносился вечно взвинченный и срывающийся на визг голос. Однажды к нашему работодателю пришел гость, такой же неприятный. Пропуская его в кабинет, работодатель многозначительно посмотрел на нас: мол, будьте начеку, парни.

Какое-то время они говорили негромко, потом начали орать, в числе прочего прозвучали следующие слова:

— У меня там кобели сидят натасканные! Сейчас скажу им «фас!» — они порвут тебе яйца!

Это «наш» так грозился своему гостю.

— Ишь, ты... «кобели... яйца порвут...» — сказал я, задумчиво глядя на секретаршу, которая с надеждой и презрением (такое бывает) смотрела на нас.

— Пойдем-ка, отсюда, — позвал я напарника.

— Ага, — сказал он.

Сидевшая за столом секретарша проследила наше движение как-то сверху вниз, словно мы разом превратились в сороконожек и уползали за дверь на сорока ногах, на каждой трусливой ноге по маленькому берцу.

— Крикнут «фас» — врываешься в кабинет и сразу рви ему яйца, — посоветовал секретарше мой напарник.

Командир, как ни странно, нам ничего не сказал по поводу произошедшего. Он и сам все понимал.

На смену нуворишам, одни из которых окончательно легализовались, а вторые были убиты или сели за решетку, пришли звезды. Их мы тоже охраняли периодически. Манеры звезд не принципиально отличались от повадок прежних наших клиентов, но первое время на певчих птиц было хотя бы любопытно смотреть.

Однажды мы берегли от толп поклонников Бориса Моисеева. В красных пышных одеждах он вышел из машины возле радиостанции, где должен был давать интервью; мы как раз его там поджидали, в черной форме, красивые, бритые. Со мной был парень по кличке Квадрат — мастер спорта по самбо, действительно обладающий формами идеального квадрата.

— Какие мальчишки! — сказал Моисеев, обнажив многочисленные зубы.

Радиостанция оказалась на седьмом этаже, и лифт не работал.

Охая, вздыхая и как-то даже немножко подвывая, Моисеев поднимался с этажа на этаж, навстречу спускались хмурые рабочие в робах.

— Почему лифт не работает? — спрашивал Моисеев строго.

— Сломался, — отвечали работяги, которых мы прижимали к стене, чтобы они не измазали известкой звезду.

— Сп...ли всё! Вот у вас всё и ломается! — отвечал Моисеев высоким голосом.

Поменяв многих временных работодателей, я убедился, что охрана всерьез ни одному из них была не нужна. Нувориши боялись закона и подобных им. Противостоять закону мы не могли, а подобные им всегда находили возможность разобраться без нас. Благота вообще куда больше любит приходиться непосредственно в гости — там человек, что бы ни говорили про «мой дом — моя крепость», куда больше чувствует себя беззащитным: в четырех стенах, на фоне жены-подруги, а также утюга и телефона с оторванными проводами.

Потом ОМОН кончился, и мы с бывшими однополчанами отправились в ночные клубы работать вышибалами: охранять покой все того же жулья, на которое мы недавно устраивали облавы или, напротив, ходили за ними по пятам в качестве «натасканных кобелей».

Через три месяца между местными бандитами и вышибалами произошел серьезный конфликт: омоновцы, как действующие, так и бывшие, вышибли из кабака самого, наверное, реального городского авторитета — со всей его компанией, естественно. Авторитет, чтобы не ронять достоинство, вернулся и предложил старшему в смене разобраться за клубом, один на один. Это была красивая сцена: поверьте, мне вовсе не нужно ее выдумывать.

— Ударь меня первым, — попросил авторитета омоновец Родион, когда-то он был чемпионом России по боксу среди юниоров.

Родика попытались ударить. Авторитет слег в больницу со сломанным ребром, даже, по-моему, с двумя сломанными ребрами. На следующий день по городу пошли слухи, что всех омоновских вышибал «посадят на спицы» — так нам просили передать наши общие девушки или юные завсегдатаи клубов, трущиеся возле бандитов.

Тогда бывшие и действующие омоновцы расселись в свои «тачки» (после чеченских командировок самые удачливые прикупили

себе машины) и сделали рейд по клубам. Завидев вереницу знакомых уже лбов, входящих в кабаки, всевозможное ворье и малолетки, выдающие себя за ворье, немедленно покидали заведения. Так продолжалось, наверное, неделю.

Даже воздух в ночных заведениях стал как-то чище.

Через неделю командиру ОМОНа позвонили из местного ГУВД и велели уговорить своих молодчиков. «Отдыхать нормальным людям не дают!» — так сказал нашему командиру высший милицкий начальник.

Наш командир окончательно ушел в бизнес и переехал в другой город. Говорили, что на него возбудили уголовное дело по факту мошенничества. Пьяный Родион, возвращаясь из ночного клуба, сшиб человека, женщину, насмерть. Откупился и остался работать в ОМОНе. Иные омоновцы ушли в криминал, а потом в бизнес; иные хулиганы пришли в ОМОН, потому что в бизнес не попали. Постепенно вавилонское смещение классов, рас, социальных слоев завершилось и теперь, кажется, застыло.

Та, бывшая моя страна, мне не нравилась: в ней была сломана система координат, извращены почти все понятия о чести и справедливости; присутствовало, правда, некое подобие свободы. В нынешней моей стране система координат есть, в наличии всевозможные вертикали, но иногда кажется, что лучше бы этой системы не было. Нас заморозили в те времена, когда мы еще не переболели всеми заразами из возможных. Есть такое ощущение...

Октябрь 2007 года

ЧУВСТВО ДОЛГА

Взять кредит сегодня можно на любом крупном рынке за несколько минут.

Потребительское общество — общество должников. Должников банков. Должников государству. Свобода опутывается кредитными обязательствами — не все хотят оказаться в такой ситуации.

Приехал в выходной покупать машину на авторынок. На новую денег нет, а с рук вроде могу себе позволить. Поторговался с хозяином, сбил цену, пересчитал наличку, не хватило полста тысяч.

— Вон, — говорит мне хозяин, — филиал банка прямо на рынке.

Зашел, вижу очаровательных девушек.

— Девушки, — говорю, — дайте мне денег побыстрее.

Они говорят: вот договор займа на три года, вот на два.

— Не надо, — отвечаю, — мне ни на три года, ни на два. Дайте мне на месяц.

— Нет, на месяц нельзя.

— А на два месяца?

— Ни на два месяца нет, ни на три. Только на год.

Дальше — смешнее. Выяснилось, весь этот год техпаспорт на мою машину будет храниться в банке, как следствие — продать я ее не могу, а если я вовремя не переведу месячную свою выплату, банк машину забирает себе, хотя дал мне в долг всего одну шестую ее стоимости.

— У вас нет других условий? — спрашиваю.

Предложили другие условия, но там такая же чепуха: денег им сразу, недели, скажем, через три, никак не надо, им надо, чтоб я целый год висел у них на крючке, а документы на машину они будут при себе держать.

Вышел я раздосадованный, говорю хозяину: ну и условия тут, бредовые просто.

Я вообще не люблю в долг жить. Но тут нелепость двойная: долг возвращаешь, а его не берут. Хотят, чтоб я как можно дольше в долгу пребывал.

А хозяин еще не моей машины отвечает:

— Ты что, друг! Знаешь, какой популярностью эти банки пользуются! Берут займы один за другим на всю стоимость машины и на пол ее стоимости.

«Что же это за люди? — думаю. — Неужели их радость от того, что они уселись за руль в своем авто, может быть сопоставима с чувством собственной, простите меня, свободы?»

Это ведь ты не просто взял в долг, это тебя держат холодными пальцами за какое-то чувствительное место, и так крепко, что хочется стоять с пристывшей улыбкой и дышать изредка.

Один мой товарищ говорит мне как-то: «Слушай, я ведь завидую тебе. Если бы не мои обязательства, я бы тоже ходил на митинги и шествия... и речовки».

«Вот, — думаю, — какая картинка чудесная: у него обязательства есть, а у меня вроде как нет. Только и дел мне, что на митинги ходить с речовкою».

А потом спустя какое-то время друг мой делится радостью: купил, мол, красивую машину. В кредит. На пять лет. А за квартиру кредит он и так давно выплачивает.

«Таким образом, — рассказал он мне, — все друзья мои живут».

— Может, оно и к лучшему? — скажет мне иной консерватор; сейчас вообще много консерваторов вокруг, шагу ступить негде, сразу либо на консерватора наступишь, либо на патриота, либо на обоих сразу. — Может, — скажет консерватор, — такое положение вещей избавит нас от лишних, так сказать, социальных катаклизмов.

Я даже готов согласиться: наверное, избавит на какое-то время. Но ведь такая жизнь не только от социальной активности, черт бы с ней, избавляет россиян. К примеру, человек, который должен за машину, квартиру, холодильник и утюг, никогда не решится родить ребенка и тем более двух детей. Он непременно отложит это решение на шесть лет, пока паспорта на его квартиры и утюги лежат в банке или у иного хозяина его движимости и недвижимости.

Или вот здоровье... Да, да, душевное здоровье — это что, немаловажный фактор? У нас мужчины и так живут жизнь краткую и нервную. Неужели наши мужчины станут дольше жить, если будут всем по самый гроб должны?

Все детство свое голубоглазое дивился я на американские фильмы, которые сплошь и рядом начинались одними и теми же кадрами: едет джип, в джипе муж, жена, сын. Муж мрачный, как голодный зверь, стучит ладонями о руль: «Черт! — кричит. — Я! Потерял! Работу! Черт! Я потерял ее!»

И на жене лица нет, и сын притихший сидит.

«Что за чепуха! — размышлял я. — Вот мой папа не раз терял работу, никто и не думал этому огорчаться. Хороший человек всегда найдет себе работу».

Так, говорю, я думал. И по сей день так думаю, разве что эпитет «хороший» хочу сменить на эпитет «свободный». Свободный мужчина разберется со своей судьбой.

Но что это за мужчина, который стреножен ипотекой и банком, расщедрившимся на должок с многолетней отдачей! Этот мужчина работу не сменит: а вдруг на новом месте серая зарплата — и прощай тогда ипотека. На другой конец глобуса он тоже не улетит, окрыленный новым контрактом, — ведь что ему делать там, когда квар-

тира здесь, и коль из-за нее так мучаешься, надо кровь из носу жить в ней, а на фига тогда покупал.

Такой мужчина хуже, чем гастарбайтер, — гастарбайтер может оставить свою лежанку на бетонном полу, доест макароны б/п и махнует на теплую родину свою. А наш должник никуда уже не махнет, он, не бейте меня сразу, просто раб. Ну ладно, ладно... крепостной.

И не надо мне ничего говорить о Европе и Америке, где «все так живут». Не знаю ничего о них, а о России кое-чего слышал.

Если люди, построившие эту систему и ею довольные, думают, что глубокие должники являются залогом государственной стабильности, они ошибаются.

Должники не только детей не рожают, дома не бросают, держатся за ненавистную работу и нервно спят. У них на подкорке всегда записана одна тягостная мысль: как бы сбежать от этого всего. Какой бы топор подложить под компас, чтоб наш корабль, идущий самым верным курсом, все стороны света перепутал, поплыл отсюда куда глаза глядят и забыл обо мне, должнике, навсегда.

Вот и вся мораль.

...А машину я себе все-таки купил, ни рубля не взяв ни у банка, ни у государства. Не хочу с ними дела иметь. Я для них не партнер, неровня им я. Зовут они меня: «физическое лицо».

Всякое физическое лицо можно с хрустом перекусить. А свободного человека нельзя. Есть у меня такое заблуждение.

Ноябрь 2007 года

ПОЕДЕМ НА АВТО, НЕСОГЛАСНЫЙ?

Однажды летом я поучаствовал в Марше несогласных. С этого все и началось.

Уж и не помню, сколько раз за последние пару месяцев меня подвергали административным задержаниям, сажали в камеру, составляли протоколы, налагали штрафы, брали объяснения. Меня находили в кафе, на улице, во дворе возле дома, но чаще всего в поездах. Помню несколько ситуаций: еду из Москвы, в пять утра приходит наряд милиции, включают свет в вагоне, поднимают меня

с полки полуголого... Женщина на нижней полке в ужасе закутывается в простыню, садится, смотрит на меня, пытаюсь разгадать: маньяк? убийца? мошенник? Все происходит мрачно и очень серьезно. К нам заглядывают люди со всего вагона, преисполненные трагизма ситуации. На выходе нас встречает усиленный наряд, и, не стесняясь меня, они спрашивают у тех, кто работали в вагоне: «Ну, все нормально? Тут весь вокзал переполошили! Справитесь? Что это за тип такой важный?»

Подобное было не раз и не два. Правда, последнее время чаще всего меня просто встречают опера у вагона, проверяя паспорта у всех пассажиров подряд. Я им издали кричу: «Я здесь, здесь, да-да, 16-е место, Прилепин». И тогда они оставляют в покое пассажиров и ждут меня.

Ведут в отделение, там спрашивают, что я делал в Москве (если я приехал из Москвы в Нижний) или зачем я приехал в Москву (если я туда приехал). Однажды в Нижнем я пошутил и на вопрос, что я делал в столице, ответил: «Встречался с главой администрации президента РФ». Опер застыл, раздумывая. «Пиши, пиши», — сказал я. Он так и записал.

Ко мне домой периодически приходят сотрудники милиции, моей жене звонят с угрозами («Твоего мужа посадят, поняла?»), мне выключают Интернет, меня, говорю, находят в любой точке города, из чего я заключил, что либо за мной следят, либо прослушивают мой телефон, впрочем, во втором пункте я давно уверен. Что касается первого пункта — тут еще печальнее. Однажды, накануне московского Марша несогласных, я поехал в рязанскую деревню на машине, на поминки к своему деду, на девять дней. Когда я возвращался с поминок, это было, собственно, в день марша, нам села на хвост машина с двумя мужчинами и ехала за нами около 300 километров. Мы несколько раз останавливались, они тоже останавливались и терпеливо ждали. Убедившись, что в Москву я не еду, они отстали.

В общем, у меня периодически возникает ощущение, что я живу в какой-то африканской стране. Знаете, ведь я ничего не сделал дурного. Я не преступал законов, я платил налоги, я воспитывал детей, я писал книги. Меня как писателя принимал президент и замглавы президентской администрации. У меня немного иные взгляды на ситуацию в стране, чем у людей, находящихся во власти, но я даже не призывал к их насильственному смещению.

В минувшую пятницу я тоже ехал из Москвы. Только что из рук прямого потомка Льва Николаевича Толстого — Владимира Ильича Толстого получил я литературную премию «Ясная Поляна», был обласкан прессой и посему приближался к дому в самом радужном настроении.

На выходе из вагона меня привычно встречали. Надо понимать, органы не следят за литературным процессом. Им есть за кем последить и без того.

Мы дошли до линейного отделения милиции, в камеру меня сажать не стали, но приставили ко мне милиционера, чтобы я не убежал. Тем временем в дежурке за толстым стеклом начался обзвон всевозможных инстанций, от ФСБ до РУБОП. Дежурные пытались понять, что им, собственно, со мной делать.

Видимо, вопрос ставил в тупик абонентов, потому что в компании милиционера, в сыром и сером коридоре отделения, я провел два с лишним часа.

Наконец за мной приехали. Крепкий, бритый, как и я, наголо человек. Он представился. Начальник отдела по... и прочие вполне увесистые регалии.

— Прокатимся, поговорим, если вы не против? — спросил он.

— Куда прокатимся?

— До вашего дома.

— Давайте, только, если можно, побыстрее.

Мы уселись в машину и покатили.

— Что в Москве делал?

— Премию получал.

Отчего-то в машине мы сразу перешли на «ты». Обстановка сближала. Сидим локоть к локтю, что тут церемониться.

— За какой роман премию?

Ответил за какой.

— И экранизировать тебя будут? Какую книгу?

Ответил какую.

Довольно ненавязчиво беседа началась, в мирных тонах. Небольшой сбой ритма произошел на вопросе:

— Ты вот известный человек, а не боишься, что тебя используют?

— Кто меня может использовать, если я сам этого не захочу? ЦРУ, Пентагон, масонская ложа?

— Ну и тебе можно что-нибудь предложить.

— Мне ничего нельзя предложить, у меня все есть. У меня можно только отнять.

У нас был очень односложный разговор. Мне, наверное, задали около ста вопросов, а я дал около ста ответов. Каждый ответ — одно предложение.

Собеседник спросил о том, что я делал в Польше на заседании ОБСЕ. Я там был накануне. «На людей, — говорю, — смотрел».

— А о чем беседовал с представителями иностранных посольств?

— О литературе, как с тобой.

Не верит.

— Нет, серьезно о литературе. Политика мне и здесь надоела. Ходили в кафе, обсуждали романы Достоевского и мифологическое представление о русских как о персонажах его романов. Русские не такие.

У меня спросили о моих друзьях-правозащитниках, которые, согласно убеждению моего собеседника, во время войны в Чечне были на стороне бандитов. «Вы, — говорю, — всех бандитов давно амнистировали, а правозащитники самые виноватые оказались».

...Так и приехали незаметно.

— Давай еще минут пять поговорим, — предложил мне мой новый знакомый.

Я смотрел сквозь лобовуху и вспомнил, как, уволившись из ОМОНа, едва не устроился в то учреждение, которое представлял мой собеседник. Думаю, и сам он устроился туда примерно в те же годы. Я мог бы, наверное, сейчас сидеть на его месте за рулем, беседовать с кем-нибудь. Ведь разгонял же я митинги голодных рабочих в середине 1990-х, когда в нашем городе из нескольких десятков химических предприятий европейского уровня осталось полтора...

«По сути, мы мало чем различаемся с моим собеседником», — подумал я, выходя из машины. Разница, собственно, в одном: если нужно будет меня посадить — он меня посадит. А я бы его не посадил, окажись... ну, за рулем.

В этом тоже, впрочем, есть какая-то достоевщина. Великий русский раздел: посадишь ли ты меня, когда бы я тебя не посадил.

Наверное, я был не прав в том споре с американским чиновником из Госдепартамента. Наверное, мы снова бродим то ли в «Бесах», то ли посередь «Униженных и оскорбленных». Только разговариваем все меньше, все скупее, все усталее. Нету уже сил на слова.

— Ну, ты сам все понимаешь, — сказал мне он напоследок. — Выбрал такой путь — не подставляйся.

Что же такое случилось с нами, как же это все снова началось?.. Или еще не началось? Или и не кончалось никогда?

Ноябрь 2007 года

СЛИШКОМ МНОГО ПРАВЫХ

Мне и не вспомнить теперь, с какой целью мы собирались с пацанвой на огромном сеновале, в конюшне. Скорее всего, там было тепло, а внизу дышал и перебирал большими губами конь. Приходил конюх, и мы затихали в испуге, беспричинно хихикая в ледяные воротники.

В переизбытке чувств, чтоб всех вконец рассмешить, один чернявый, с наглыми глазами пацан из соседней, приросшей к нашей, деревни нарисовал на морозном оконце свастику: до сих пор вижу его грязный ноготь и вдохновленное лицо с ехидным прищуром.

Сосед мой, Саша, живший через дорогу от нас, простой и, быть может, не самый разумный паренек, увидев рисунок, дернул щекой и спросил:

— Ты это... опять?

— А чего? — ответил чернявый, — я вообще считаю, что Гитлер был... что надо. Столько стран захватил.

Утопая в сене, Саша перевалился поближе к оконцу и звонко ударил рисовальщика в челюсть.

Тот ответил дурным, обиженным матом и сразу получил еще раз, но уже в нос, из которого яркая и очень обильная весело полилась кровь.

Сашу я не видел уже четверть века, но многие годы, в дурных и унижительных ситуациях, когда унижали не меня даже, а нечто крайне важное вне меня и надо мной, я говорил себе: «Сейчас Сашка придет и...»

Слишком много толерантности, знаете ли. Слишком часто я сам себе позволял всевозможные вольности, которые позволять нельзя: не было Саньки на меня.

Настали времена относительности всех понятий и атрофировали наше сознание. Мы способны разжевать и сплюнуть любую оче-

видность, пожав плечами и сказав: «Ну, это сложный вопрос, нельзя так однозначно...»

Это простой вопрос. Нужно именно что однозначно, не то можно словить в челюсть.

В тот раз Сашка начал затирать свастику vareжкой, но получалось плохо, и он снял с правой руки связанный бабушкой дар и приложил к нарисованной свастике голую ладонь. Через минуту гадкого рисунка не было, зато был отпечаток детской руки на стекле и сквозь нее — почти бесцветное зимнее солнце.

Я вспомнил в ту минуту, как позавчера в школе сам нарисовал такого же паука в тетради, привычно перепутав, в какую сторону свастика смотрит. Вспомнил и сам себя застыдил. Как бы этот стыд пронести через всю жизнь.

Мы и так в последние времена оказались почти что в пустоте: с тысячелетним рабом внутри, с историей Родины как сменной методикой палачества, а «Есенин был странно близок с гомосексуалистами», а «Космодемьянская оказалась душевнобольной», а «Гагарин не летал в космос», а еще разруха в головах, тьма в подъезде и к свободе мы пока не готовы.

Оставьте нам хоть что-нибудь, хотя бы одно крепкое место в этом болоте, где мы удержимся на одной ноге, вторую поджав, что твоя цапля — с неизменной лягушкой в клюве. Чего-чего, а лягу нам всегда подсунут. Но нет нам крепкого места, все туда кто-то другой стремится присоседиться, а нас спихнуть. Атаман Всевеликого войска Донского и по совместительству депутат Государственной думы Виктор Водолацкий подписал указ о создании рабочей группы по реабилитации повешенного за сотрудничество с нацистами генерала Петра Краснова.

Ох, атаман Всевеликого войска, ой, не шути так сегодня...

«Пока Москва корежится в судорогах большевизма и ее нужно покорять железной рукой немецкого солдата — примем с сознанием всей важности и величия подвига самоотречения иную формулу, единственно жизненную в настоящее время: “Здравствуй, фюрер, в великой Германии, а мы, казаки, на Тихом Дону”» — так писал Краснов в июле 1942 года.

«Железной рукой», значит, «нужно покорять» Москву. И железной пятой топтать потом.

Мой рязанский дед как раз в июле 42-го заканчивал учебку, и вскоре вывезли его в чистое поле под Сталинградом, где получил он

первую свою контузию и потерял первого напарника — дед был пулеметчиком, — и только «вторых номеров» у него убило шесть человек за войну.

Другой мой, липецкий, дед — комбайнер, имевший бронь, последний раз жал тем летом рожь и осенью ушел в артиллеристы, а потом попал в плен, откуда вернулся 47-килограммовым доходягой: двухметровый мужик. Чуть не выдавили из него жизнь железной рукой.

Теперь казачий депутат рассказывает нам, что Петр Краснов сражался против большевизма. То есть, если бы, скажем, рязанскому деду моему снесли опозоренной казачьей шашкой беспартийную голову, это оказалось бы борьбой с Советами, а никак не с моим дедом и не с моим родом?

Не родился бы я, не родились бы родители мои, не было бы детей моих — зато и большевизма не было бы: так, верно, стоит мне рассуждать.

Надо задуматься нам, неразумным, над словами атамана Всевеликого войска. Видимо, мой подход слишком одиозен, одиобок, относителен. Я историю Родины пытаюсь соотнести с той кровью, что текла в моем покойном старике, чья парадка весила как кольчуга, с той кровью, что течет во мне и нынче переливается в сыновьях моих. А соотносить историю надо с чем-то иным, чему, к несчастью своему, прозванья я не знаю.

«Казаки! — взывал Краснов в 1944 году. — Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам. Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою, независимую от Москвы жизнь».

Славные речи, а? Тем более что у нас до сих пор очень большая страна, издавна враждебная и казакам, и Новгородской республике, и Сибири, и Казани, и Дагестану. Как тут не поддержать атамана в его высокой правоте.

К тому же Виктор Водолацкий упирает на то, что Краснова не имели права вешать, так как он не был гражданином Советского Союза, а потому изменником Родины считаться не может.

Какая неглубокая казуистика, однако. Может, тогда и реабилитировать его не надо: он присягу давал Российской империи и государю императору — вот пусть где-нибудь в той стороне и в той стране его и реабилитируют. У нас нынче ни империи, ни императора нет, чтобы данный вопрос разрешить в угоду атаману Всевеликого войска.

Зато у нас есть одна Победа, одна на всех... И не дай бог мы опять продешевим.

Пусть на небесах покоится душа отважного генерала. На земле нашей нет ему места. Он сам сделал свой выбор.

Не усердствуйте так, атаман. Не ровен час какой-нибудь Санька бродит неподалеку с цепкой рукой в бабушкиной заиндевелой ва-режке.

Февраль 2008 года

ФИДЕЛЬ: ЛЕВЫЙ МАРШ

Не смейтесь, Фидель — это поэзия, потому что он интересен всегда. И когда был кубинским лидером, и сейчас, когда объявил об отставке.

В ночь росы прогибаются ветви,
Мои губы и память, как лед.
Я погибну на самом рассвете,
Пальма Кубы меня отпоет.
Такое вот во мне звучит...

Нет, вы всерьез верите, что у любого американского президента грехов меньше, чем у Фиделя? Ткните пальцем в первого попавшегося янки из Белого дома за те полвека, что Фидель провел у власти, — их добрых дел хватит на трибунал в любой Гааге. Этих янки было девять, и едва ли вы вспомните имена хотя бы трех из них. Зато имя Фиделя помнят все.

Ну были диссиденты на Кубе, и — о да! — поломанные судьбы были. Но найдите мне место на планете, где раздраженных нет, где тонких судеб не ломают о государственное колено. Тем более — экономическая изоляция, огромная туша США, застывшая белый свет и великолепное кубинское солнце; а еще предавшие музыку революции и оглохшие на оба уха маразматика из СССР в лице главных друзей Фиделя... Ему было трудно.

Ему было сложно, и он ответит за все, но мы все равно должны ему за поэзию. Если вы ее не слышите — никто не виноват.

Все черти славы в сковородки били,
И мертвецы вставали из могил,

Когда я шел в тумане красной пыли
И Кубу на подошвах уносил.

Без хриплого, сумасшедшего голоса Фиделя планета Земля была бы скучной. Помните, как она опустела в той песне про Гагарина и Эскюпери — вот так же тошно было бы и без него.

Ковбой Рейган, Хрущев с кукурузой, даже полковник Каддафи, и все северокорейские лидеры, чьи имена мы отчего-то знаем, и все южнокорейские, чьих имен ни помнит никто, — все это неизбежно наводит тоску, тощицу наводит, а Фидель так и не надоел за все это время.

Представьте, что Хрущев полвека руководил бы Россией, до сих пор бы кричал тут про «пидарасов»? А? Или Рейгана на 50 лет посадите в Белый дом... Невозможно даже подумать об этом, немедленно возникает желание завывать. А как только Фидель появлялся на голубых телеэкранах — сразу хотелось танцевать.

И бомбой взорвется рубма
От Бреста до Магадана,
И будет такая Куба —
Одна сплошная Гавана.

Он сделал из маленького народа народ великий, упрямый, несломленный и гордый. Единственное социалистическое государство в Западном полушарии! И там, надо сказать, не умирают от голода. Мало того, продолжительность жизни на Кубе — почти 77 лет у мужчин и 79 у женщин. Что неудивительно — ведь на 100 тысяч кубинцев приходится 591 врач, в то время как в США — 549, у нас — 420, а в Боливии — 73.

И хотя там падают темпы рождаемости, на Кубе до сих пор наблюдается именно что прирост населения, то есть людей по-прежнему год от года становится больше, а не меньше. В отличие опять же от России: у нас если в позапрошлом году вымерло 800 тысяч человек, а в прошлом «всего» 700 тысяч — это на чистом глазу именуется «демографическим взрывом».

Сил уже нет все это выслушивать в самых разных аранжировках...

Закрою глаза — и мигом
Все вокруг такие мучачос,
Все вокруг такие амигос,

А открою глаза и плачу...
Куба далеко!

На Кубе миллион юношей и девушек имеют высшее образование, при том, что кубинцев всего 11 миллионов. Еще там реальный подъем экономики вовсе не связан с приростом количества кубинских миллиардеров, которых там нет вовсе.

Бог любит кубинцев не меньше, чем Хемингуэй, — они милы ему настолько, что возле берегов Кубы недавно нашли нефть. Всего лишь в 20 милях к северо-востоку от Гаваны! Чуть ли не 10 млрд баррелей: для экспорта вполне хватит и еще самим останется.

Сегодня многие спорят, что станется с Кубой после Фиделя.

По большому счету это уже не важно. Фидель отвоевал чуть ли не целое столетие у истории, намертво впечатав туда свое горячее имя, — не такая уж малая победа; и разве стоит желать большего? Даже самые злые враги Кастро не смеют испытывать сегодня злорадства — и это очень важно.

Какая разница, что придет на Кубу — китайский государственный капитализм, американский протекторат или русское бездорожье. Хочется, конечно же, чтобы Куба осталась все той же, единственной в Западном полушарии, горячей и страстной Кубой, но при любом исходе история ее уже сложилась и пересмотру не подлежит. Имя Фиделя звучит как поэтическая строчка, и сколько еще отдаваться этому имени в жадных до веселого дела сердцах — никто даже не догадывается.

Что тебе снится теперь, Фидель, в этом жарком кубинском феврале?

Зимой 56-го года отряд Фиделя высадился на берегу Кубы, это был декабрь.

Зимой 57-го года Фидель провел бой у реки Ла-Плата, и это стало первой удачной операцией его бойцов, то было в январе.

Зимой 59-го года Кастро во главе колонны Повстанческой армии вступает в столицу и вскоре занимает кресло премьер-министра, как раз в феврале, 49 лет назад.

Самолично в эту зиму уходя от власти, Фидель одерживает очередную зимнюю победу, и, возможно, еще не последнюю.

Он по-прежнему полон достоинства, и в отличие от большинства государственных правителей минувшего столетия, известных

мне (уж российских-то наверняка), не делает вид, что собирается жить вечно: «Готовить Кубу психологически и политически к моему отсутствию — вот что было моим главнейшим обязательством после стольких лет борьбы, — говорит Фидель. — Я бы предал мою совесть, принимая на себя ответственность, требующую мобильности и полной самоотдачи, которых я лишен по физическим причинам. Я говорю это без драматизма».

Это слова не пасынка, но сына. Тот самый случай, когда подступившая к глотке драма звучит светло и чисто. Ну, как поэзия, я же говорю. В России эта высокая нота особенно хорошо слышна.

Раньше Кубе снилась наша страна. Потом Куба снилась нам. После сны перепутались и краски их размылись. Но стихи все еще звучат.

Мне снилась даль, подсолнух подле хаты,
Калитка, отраженная в реке.
Когда на берег я сбежал по трапу,
Стучало сердце в каждом каблуке.
Я к матери бежал, кусая губы,
В косых лучах смеющейся слезы.
А по стране, как отпечатки Кубы,
За мной тянулись красные следы.

А это уже о будущем. Это уже о будущем сказано.

В статье использованы строки стихов поэта Юрия Кузнецова и текст песни «Куба далеко» группы «Запрещенные барабанщики».

Март 2008 года

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПЛОТНИК ВСЕВОЛОД ЕМЕЛИН

Пролог. «Давай сломаем этот образ!»

Воспоминания начинаются так: Москва, Фрунзенская набережная. Отец и маленький сын, белобрысый дошкольник на заплетающихся ножках. Маленькая его лапка затерялась в крепкой, взрослой руке.

Вокруг яркое, отчетливое, цветущее, тополиное лето. Мощь сталинской архитектуры, Воробьевы горы, река и солнце в реке — а

отец смотрит на мальчика с невыносимой жалостью: пацана опять будут оперировать.

— А что болело? — спрашиваю.

Пацан вырос. Ему уже много лет. Он отвечает:

— Что только не болело. Гланды резали в четыре года... Водянка — это с мочевым пузырем. В паху резали. До сих пор шрам в районе яиц... Только и делал, что болел и перемещался из больницы в больницу.

Разговор происходит на второй день знакомства, под третий стакан. Мы тихо пьем вино в его маленькой скромной квартирке, поэт Всеволод Емелин, его жена Вероника и я.

С тех пор, как лет, наверное, пять назад я прочел его стихи, мне всегда казалось, что он только и занимается тем, что смешит, издевается и дурит. Я был не прав.

Последний народный поэт в России — Емелин все пишет более чем всерьез. Дышит в его текстах расхристанная, уже за пределом приличий искренность.

— Слушай, я тебе такие вещи рассказываю — о них никто не знает, я никому не говорил... — останавливает себя Емелин. — У меня же образ такого простого рабочего паренька с окраины...

— Давай, Сев, разломаем этот образ, а?

— Давай... Так вот, ни хрена я не с рабочей окраины.

Глава первая, Кремлевская

Если он говорит грустные вещи — лицо печально, но глаза при этом веселые. Если о веселом вспомнит — все наоборот.

О маме говорит с грустным взором.

Мать «паренька с рабочей окраины» Севы Емелина работала в Кремле.

Тут бы хорошо добить удивленного читателя и сказать, что Емелин — внебрачный сын, к примеру, министра культуры Фурцевой: была такая легендарная женщина в СССР. У Фурцевой обязательно должны были рождаться именно такие «поперечные» дети. Очень мелодраматичная получилась бы история. Но нет, все чуть проще.

Его отец был художником-конструктором. И мама была вовсе не Фурцевой, а секретаршей одного из видных кремлевских на-

чальников. Впрочем, в советские времена попасть в Кремль было не столь сложно, как кажется.

— С одной стороны, это была замкнутая структура, — говорит Сева о кремлевских служащих эпохи позднего, так сказать, тоталитаризма. — Но обслуживающий персонал туда набирали простой — обычных девчонок из подмосковных деревень, без всяких образований. И, грубо говоря, «осчастливливали» их такой работой. Они и селились «кустами» — по несколько домов в разных уголках Москвы. На работу, прямо к Спасской башне, их доставляли на автобусе. На Васильевском спуске у Кремля автобус останавливался. И вечером развозили.

Я несколько не удивился, услышав эту историю: мой прадед по материнской линии из захолустной деревни Казинка Рязанской области работал на даче у Сталина садовником. Правда, генсека видел он только издали, зато с Ворошиловым встречался часто. Отработал и вернулся в свой сельский дом как ни в чем не бывало.

Мать Севы попала в Кремль в 51-м.

Во время войны она, заметим, была в оккупации, «под немцем». Мало того, дед поэта Емелина был расстрелян в 37-м как враг народа. Что вовсе не помешало маме Севы обосноваться за кремлевскими стенами и перестукивать там на печатной машинке важные документы.

Рассказывала она о своей работе крайне редко: видимо, и не должна была, согласно неким циркулярам. Но несколько историй за целую материнскую жизнь Сева все-таки услышал.

Видела она Сталина, например. Шла по коридору Кремля, навстречу вождь народов. Впереди вождя автоматчики, которые разгоняли всех подвернувшихся. Будущую маму Севы Емелина втокнули в ближайшую комнату, оказавшуюся мужским туалетом. Там она в компании автоматчика и пары других напуганных девушек переждала, пока Иосиф Виссарионович проследует. В туалет он не заглянул.

А потом мама видела и Хрущева, и Брежнева, и всех иных. Эти попроще были, без автоматчиков передвигались.

— Косыгина она очень любила, — рассказывает Емелин. — Вспоминала: вот он бредет по кремлевскому саду, задумчиво рвет с яблони зеленое яблоко, откусывает и не бросает, а кладет в карман пиджака... С ней здоровались (я не думаю, что она выдумала это —

мама никогда не была склонна к хвастовству) и Косыгин тот же, и Микоян, и иные, по имени называли ее.

Мать Емелина работала у человека по фамилии Мельников, он курировал четыре оборонных министерства.

— Слушай, а кремлевские елки ты посещал? — спрашиваю Емелина.

— Было дело — с детьми других кремлевских служащих... Но я больше любил обычные елки.

— И конечно же ездил по путевкам в кремлевские пионерлагеря и дома отдыха?

— Естественно. Один из них был, например, в Остафьево — это имение князей Вяземских. Недавно видел по телевизору, что там делают дом-музей, а я, помню, сживал в этом имении у камина... Там Пушкины бывали, Карамзины всякие.

Старинная мебель к моменту появления там будущего поэта Емелина не сохранилась, зато навезли множество трофейного немецкого барахла. Стояли гигантские фарфоровые зеркала. Утверждали, что самое массивное, с узорами из сплетающихся роз, привезено из резиденции Германа Геринга... Емелин смотрелся в него. Быть может, видел отражения своих будущих стихов: «Из лесу выходит Серенький волчок, / На стене выводит Свастики значок».

Если б не кочеванье по больницам, раннее детство Севы было бы вовсе замечательным.

Питалась, к примеру, семья Емелиных просто замечательно. Мама получала кремлевский спецпаек: колбаса докторская, сосиски микояновские, армянская вырезка, и даже картошку привозили из подсобных хозяйств. В магазин ходили только за хлебом и солью.

— Слушай, — говорю я Севе. — Вот услышат тебя наши прожженные либералы и сразу сообразят, откуда в тебе эта ностальгия. Я же наизусть помню: «Не бил барабан перед смутным полком, / Когда мы вождя хоронили, / И труп с разрывающим душу гудком / Мы в тело земли опустили... / С тех пор бесперывно я плачу и пью, / И вижу венки и медали. / Не Брежнева тело, а юность мою / Вы мокрой землей закидали». Вот, скажут они, откуда эта печаль: он же кремлевский мальчик, он же сосиски микояновские ел, когда мы в очередях давились!

Тут впервые у Севы становятся и глаза грустными, и улыбка пропадает при этом.

— Я же не о сосисках печалюсь, а о том, что юность моя похоронена.

Глава вторая, Геодезическая

В детстве Сева пацаном веселым, разбитным и забубенным не был.

— В школе я какое-то время пытался изображать хулигана, — говорит Всеволод Емелин. — Но в классе уже были настоящие хулиганы, на их фоне я не смотрелся...

Дальше недолго молчит.

— Короче, они быстро просекли все, настоящие хулиганы. Пару лет, в классе седьмом-восьмом, я входил в пятерку самых забитых и опущенных в классе. Пока хулиганов не повыгоняли из школы после восьмого.

Учился плохо. Но читал книги — был доступен в роскошную библиотеку Совмина, там хранились развалы редкой фантастики: и Лем, и Брэдбери, и прочие... Поэзия началась в последних школьных классах.

— Блок, Блок, Блок. Стихи о Прекрасной Даме всякие...

После школы пошел на геодезический.

— Все в моей семье было на самом хорошем уровне: и жилье, и питание, и возможность отдохнуть, — говорит Емелин. — После седьмого класса наш недостаток стал предметом моих серьезных комплексов, одноклассников я домой не водил... Но вот чего не было, так это хоть какого-то блата при поступлении в вуз.

В итоге поступал сам. И поступил.

— Когда пришел в институт, долго не мог понять, что за люди меня окружают, — рассказывает Емелин. — С одной стороны, люди как люди, а с другой — как-то не очень похожи на тех, что были вокруг до сих пор. Потом наконец выяснилось, что кроме меня в группе москвичей всего два человека. Другие ребята и девочки были из иных краев.

И вот на первом же занятии вызвали к доске москвича. Преподаватель говорит: «Хочу проверить ваши знания. Нарисуйте мне, как выглядит график синуса».

— Явно задумался парень, хотя только что сдал экзамен, прошел конкурс, — смеется Емелин, рассказывая. — На доске — ось икс, ось игрек. Студент смотрит на них. Преподаватель просит: «Самый простой график». Студент параллельно оси икс ведет прямую линию.

Преподавателя, как я понял, уже трудно было чем-либо удивить. Он посмотрел и говорит: «Ну хорошо. Теперь нарисуйте мне косинус».

Опять у студента растерянный взгляд, задумчивый, и он рисует линию параллельно оси игрек.

— Замечательно! — говорит преподаватель. — Садитесь!

В общем, учиться там было, мягко говоря, несложно. Поначалу Емелин был круглым отличником.

У Севы и стипендия имелась — 40 рублей. А портвейн тогда стоил, напомним, 2 рубля 12 копеек. Был, впрочем, разбодяженный портвешок по рубль 87, и был еще по три рубля — марочный, с трехлетней выдержкой.

Так все и началось.

Нет, портвейн Сева уже в школе попробовал. «Едва период мастурбации / В моем развитии настал, / Уже тогда портвейн тринадцатый / Я всем иным предпочитал. / Непризнанный поэт и гений, / Исполненный надежд и бед, / Я был ровесником портвейна / — Мне было лишь тринадцать лет».

Но в институте уже началась серьезная история...

— Вытрезвители были? Кости ломал в подпитии, сознавайся? Иные непотребства совершал?

— Было, было, все было. И кости ломал, и вытрезвители неоднократные...

Мы рассматриваем фотографии Всеволода Емелина, и невооруженным глазом видно, что в подавляющем большинстве случаев поэт несколько или глубоко пьян. В руке будущего поэта, как правило, бутылка. Иногда много бутылок возле него — на столе, или на траве, или на иной поверхности. Все початые. То ли он не фотографировался в иные минуты, то ли иные минуты были крайне редки.

Емелин констатирует факт, отвечая Бродскому: «Забивался в чужие подьезды на ночь, / До тех пор, пока не поставили коды. / И не знаю уж как там Иосиф Алексаныч, / А я точно не пил только сухую воду».

Институт он окончил с трудом, диплом получил за честный и пронзительный взор и немедля отправился в северные края — геодезистом, по распределению. Работу заказывала строительная организация, и делал Сева самые настоящие карты: с горизонталями, с высотами, со строениями, но не географические, а для проектных работ. Командировки длились от трех до шести месяцев — Нефтеюганск, Нижневартовск — и бешеные, между прочим, зарабатывались там деньги. Пятьсот в месяц выходило чистыми. А Севе в ту пору едва перевалило за двадцать.

Работы иногда было не очень много, и геодезистам приходилось в силу возможностей коротать время.

Когда начальник партии допивался до потери человеческого облика, его грузили и эвакуировали в Москву. Сева тем временем оставался в звании и. о. начальника партии.

Партия, как правило, была небольшая: непротухающий шофер (ездить ему было некуда, и грузовик его стоял замерзший), пара шурфовщиков и три «синяка» из местных, которых нанимали, когда возникала необходимость, скажем, рельсы носить.

Не все выдерживали такой сложный ритм работы, и на Севере Сева впервые стал свидетелем, как его сверстник и сотоварищ по работе сошел с дистанции чуть раньше остальных: его, опившегося сверх предела, отправили домой в цинке, мертвого и холодного.

В 83-м году, в полярном поселке Харп, где сидит сейчас Платон Лебедев, и самого Севу настигла наконец белая горячка.

— Пили уже много дней... и водка была, и... разные были напитки. Вплоть до одеколона, все было. Помню, как все началось: вдруг увидел рассыпавшиеся по полу золотые монеты. Бегал на карачках по полу, их собирал. Они катались, их было трудно поймать...

Что было дальше, Сева не помнит. Но, отработав три года на Севере, вскоре после харпских золотых монет, Емелин принимает решение вернуться в Москву и покончить, так сказать, с геодезией.

Настроение, по всей видимости, было примерно такое: «И только горлышки зеленые / В моем качаются мозгу. / И очи синие, бездонные... / П...ц, я больше не могу».

Глава третья, Диссидентская

Пока Сева, краткими наездами бывая в Москве, постигал Север, у него родился от бывшей сокурсницы сын.

Прожила семья недолго.

— Я, собственно, другую бабу себе завел... — поясняет Сева. — Не хотелось врать, обманывать, настроение было вроде — «да пошло все!». И расстались.

— Трагедия была?

— Нет. Там были другие, более интересные события. Тогда я пребывал в поиске «интеллигентного» общения. Еще в институте подружился с одним парнем. Он поймал шизофрению на третьем курсе, с тех пор у него уже ходок семь в дурдома. Тем не менее он доньше не потерял человеческий облик, мы дружим и сейчас. А в те времена мой друг вообще был редким человеком: читающий, со связями в интеллигентских кругах, дядя его в Америке жил — русский поэт-эмигрант. Друг меня привел в одну компанию. Это называлось: кружок катехизации.

Кружок был подпольным (начало 80-х на дворе!) и существовал вокруг отца Александра Меня.

О, там заседали матерые зубры: владеющие пятью языками, знающие Надежду Яковлевну Мандельштам и Варлама Шаламова. Кто, как это тогда называлось, в отказе. Кто со связями за границей и с возможностью издавать «тамиздатовские» книги. В общем, это уже была структура.

«Зывали в квартиры / Посидеть, поболтать. / Там меня окружила / Диссидентская рать. / В тех квартирах был, братцы, / Удивительный вид: / То висит инсталляция, / То перформанс висит. / И, блестящий очками, / Там наук кандидат / О разрушенном храме / Делал длинный доклад. / Пили тоже немало, / И из собственных рук / Мне вино подливала / Кандидатша наук. / Я сидел там уродом, / Не поняв ни шиша, / Человек из народа, / Как лесковский Левша».

Самого Меня будущий поэт видел редко. Чтобы протолкнуться к батюшке, нужны были крепкие локти: свита была плотной и сердитой; но Емелин и не рвался особенно.

Зато у него было источающее адреналин ощущение подпольщика, борца, рискующего, черт возьми, свободой во имя Руси, которую проклятые большевики... и проч. и проч.

Так все и происходило, почти как в тех, вышепротитированных стихах: встречи, посиделки. Сева раздобыл ксерокс, делал копии книжек и воззваний. Вполне мог загреметь, кстат, но — миновало.

Тут и перестройка началась.

Как писали в учебниках о литераторах начала века, «революцию он принял восторженно». Ни одного митинга не пропускал. Клеил листовки. Раздавал прокламации. Читал правильную прессу. Агитировал косных. Ненавидел красных.

Долго помнилось ему потом утро 21 августа 1991-го. «Теперь-то уж заживем!» — такие мысли бродили в голове поэта.

В тот день Емелин, естественно, был у Белого дома, в первых рядах защитников демократии. Они ходили по центру Москвы в состоянии ослепительного счастья и нахлынувшей новизны.

— Встретил, помню, группу парней с противогазами... — повествует Сева, отпивая вино.

— А зачем противогазы?

— Ну как же — в течение суток ничего людям не раздать! Помнишь, как в мультфильме: «У нас есть план!» Вот они делали вид, что у них есть план: раздали противогазы... Встретились мы с парнями, обнимались, восклицали что-то, готовы были расплакаться.

В стихах об этом еще лучше: «Мы цепи сомкнули, мы встали в заслон, Мы за руки взяли друг друга. Давай выводил свой кровавый ОМОН, Плешивая гадина Пуго».

Но ОМОН не вышел, и Пуго проиграл.

А в 93-м году Емелин стоял у Моссовета и вместе со всеми требовал оружия, чтобы идти расстреливать красно-коричневых фашистов. Напротив поэта Емелина стояла Валерия Новодворская. Еще запомнилось, как в толпу митингующих, требовавших оружия, ворвался «мерседес», оттуда вышли два якобы афганца — все в значках и аксельбантах, бугаи; вывели под тонкие лебединые руки женщину из машины. Толпа возликовала: «Джуна с нами!»

На трибуну вышел обозреватель программы «Взгляд» Владимир Мукусев и стал говорить, что большевики не только угробили Россию, они и крейсер «Аврора» угробили. «Крейсер пропадает, крейсер ржавеет!» — восклицал Мукусев.

— Сев, ты не ощущал тогда привкуса некоего абсурда в происходящем?

— Прекрасно ощущал.

И добавляет, помолчав:

— Но все-таки в 93-м году я еще был твердо уверен, что реформам просто мешают... Что есть один путь и во имя него надо терпеть. Хотя жить мне стало совсем плохо. Не по сравнению с советскими временами — а вообще, конкретно. Жил на грани вполне очевидной нищеты. Ел одну картошку, без всего, без соли и масла...

Сначала Емелин устроился сторожем. Потом плотником в церковь Успения Пресвятой Богородицы. Там и работает до сих пор.

Глава четвертая, Литературная

— Сев, постой, а когда же началась литература?

Вторую половину 90-х годов Емелин провел плотничая. В свободное от плотницкой работы время посещал редакции старых и новых журналов, старых и новых газет.

Оставив квартиру бывшей жене, жил у матери, покинувшей в 91-м кремлевские покои. Прямо скажем, мать, железная женщина с железным характером, была недовольна сыном и по-прежнему старалась перековать его.

— До 45 лет шел процесс неуклонного моего воспитания. Чем она становилась старше, тем этот процесс, поскольку я жил у нее, принимал все более гомерические формы, — признается Сева.

Лет пять прошло в спорах с матерью и бессмысленном брожении по редакциям. В редакциях выходили люди с «затуманенными восточно-средиземноморскими глазами» (определение Емелина) и говорили: «Да, да, почитаем...»

— ...И несли рукопись до первого мусорного ведра... Появились тогда у меня новые настроения: за что я боролся и бегал у них на побегушках, листовки за них клеил, книжки доставал, поручения их выполнял — и где чего? где награды? — Здесь Емелин смеется.

Впрочем, уже тогда стихи Емелина ходили по рукам, от поклонник к поклонникам и далее по кругу. И вот, как водится в сказках, под новый, 2000 год раздался в его квартире звонок: «Здравствуйте, я Виктория Шохина из “Независимой газеты”. Мы хотим опубликовать подборку ваших текстов. Они нам очень нравятся».

И опубликовали. Целый разворот. С биографией и фотокарточкой Емелина. Стотысячным тиражом.

Публикация вызвала фурор, «Независимую» завалили письмами и задолбали звонками: кто это? откуда он взялся?

Через неделю из газеты снова позвонили: «Знаете, мы два раза подряд никого не печатаем... тем более поэзию... Но вас хотим».

И дали еще один разворот.

— Это было счастье?

— Да, да. Напился.

— И?

— И ничего не произошло.

— Как не произошло, Сева? Ты же народный поэт, ты известный. У тебя за пять лет вышли четыре книги — когда у девяноста

девяти из ста русских поэтов не выходит по десять лет ни одной. Одну из твоих книжек издал Илья Кормильцев, который, кроме тебя и Лимонова, больше не издавал ни одного поэта. Твои стихи, я в курсе, знают и помнят десятки тысяч подростков в разных концах страны. (За взрослых не отвечаю — просто реже с ними общаюсь...)

— Я немножко понимаю в поэзии, — отвечает Емелин. — Последним известным поэтом был Евгений Евтушенко.

— Хорошо, — меняю я тему, — а мама твоя читала стихи сына? Гордилась?

— Знаю, что она прочитала стихотворение про Белый дом.

(«Пока я там жизнью своей рисковал, Боролся за правое дело, Супругу мою обнимал-целовал Ее замначальник отдела».)

— Мама сказала, что вообще не понимает, что это за чушь. Я против, говорит, этих капиталистов, захвативших власть, — но ты-то вроде там стоял. Значит, стоял неизвестно ради чего? Плюс ко всему о жене написал: это вообще невозможно. Ты потеряешь сына, если он это прочтет.

Сына Сева не потерял, парень отнесся к признаниям отца с юмором. Зато благодаря поэзии Емелин нашел жену.

— Вероника, расскажи, как все было, — прошу я ее.

— В декабре 2003-го я была в гостях у певца Александра О'Шеннона, — говорит Вероника, — и он спел новую свою песню на стихи Емелина «День рождения Гитлера».

«Я иду за первую Утренней поллитрою В воскресенье Вербное, В день рождения Гитлера».

— Все, конечно, пришли в полный восторг. Саша откуда-то извлек книжку Емелина, мы читали ее полночи вслух, плакали...

— «Плакали»... Не п...и, — говорит Сева доброжелательно, даже с нежностью.

— Хотели до слез, — поправляет Вероника, нарезая груши к нашему красному полусладкому.

— ...Я сразу поняла, что автор этих стихов — тот мужчина, что мне нужен...

— И когда вы увиделись?

— Еще много времени прошло с того дня... — отвечает кто-то из них.

Они смотрят друг на друга, пытаются вспомнить дату, и наконец вспоминают.

17 июля 2004 года уже сам Емелин был в гостях у Александра О'Шеннона в Зюзино. Выпили, конечно. Емелин вышел за пивом, приобрел примерно пол-ящика, пошел обратно и... потерялся. Бродил уже несколько часов по району, уничтожая закупленные запасы пива. Местные жители не знали, кто такой Александр О'Шеннон и тем более, где он живет.

Вдруг подъезжает к одному из подъездов роскошная машина, и оттуда выходит Вероника, которую Емелин, естественно, еще не знал...

— ...Но сразу понял: такая женщина может идти только к Шеннону, — говорит Емелин. — Подбежал к ней, громыхая оставшимся в пакете пивом: «Вы к Шеннону?!»

Естественно, к Шеннону.

— В первую же пьяную ночь Емелин сказал: «Выходи за меня!» — говорит Вероника. (Емелин называет ее Веронк.)

Они поженились.

Огромная фотография молодоженов была опубликована на первой полосе самой крупной литературной газеты. Новость № 1: «Поэт женился!» Больше подобных фотографий ни в этой, ни в другой литературной газете я не встречал.

И после этого Емелин говорит, что он неизвестный поэт.

Вместо эпилога

Мы в церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Внутри идет постоянный ремонт, что-то реставрируется. Стоят крепкие леса. Их построил Емелин.

— Сев, сколько тебе все-таки лет?

— 48. Помирать пора.

— Много, да?

— Считаю, что ужасно много, а чувствую себя на все 88.

Мы ходим по храму. Начинается ежедневная процедура обеда для бомжей. Каменные помещения наполняются терпким запахом старых одежд и немых тел. Емелин смотрит на бомжей спокойно, тихими глазами, на лице ни единой эмоции: ни жалости, ни брезгливости. Я не знаю, о чем он думает.

— Сев, а русский человек — он какой, по-твоему?

— Русский человек — не православный, не голубоглазый, не русский, нет. Это пьющий человек, приворовывающий, отягощенный

семьей и заботами. Но при этом: последний кусок не берет, пустую бутылку на стол не ставит, начальству вслух о любви не говорит. У него твердые понятия о жизни. Но вовсе не те, которыми его обычно наделяют...

— Ты ощущаешь себя русским человеком?

— Ну конечно.

Достоевский говорил про амбивалентность русского человека. Емелин в этом смысле пример почти идеальный. Известно-неизвестный поэт, проживший полвека счастливо-несчастной жизни, на которую он смотрит грустно-веселыми глазами.

— Знаешь, что я думаю, Сев. Мы вот ломали твой образ, ломали, а он стал еще крепче. Никак не пойму отчего.

Всеволод Емелин пожимает плечами.

Мы идем в кафе.

— У меня уже третью твою книжку зачитали, — жалуясь я. — Где тут можно купить поблизости?

— Этого г...а полно. Дарю.

Он извлекает книжку из рюкзака.

Кроме нас в кафе сидит человек, наверное, тридцать. Вряд ли кто-то из них знает, кто такой поэт Емелин. Но ведь они и Евтушенко наверняка не читали.

Зато напротив стоит церковь в лесах Емелина, а на круглом столике лежит его же синяя книжка, где есть несколько волшебных строк. Похоже, мироздание на месте. Понимать его вовсе не обязательно. Достаточно смотреть на него честными глазами. Это не всякому дано.

Емелину дано. Но, судя по всему, это не дарует человеку исключительно радостные ощущения.

Апрель-май 2008 года

Захар Прилепин

Печальный плотник

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0809030.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.